

Цзи Вэньтай, отвечая на звонок, ещё не знал, что произошло:

— Чжун Гуаньбай, скажи этому Лу Цзаоцю, чтобы побыстрее возвращался. Так часто брать отпуск — это не дело. Даже свадебный отпуск не берут так долго. Верно, Лао Вэнь?

Голос Вэнь Юэаня с другой стороны был спокойным:

— У меня не было свадебного отпуска.

Цзи Вэньтай вздохнул:

— Лао Вэнь, если бы ты взял свадебный отпуск, тебе бы сейчас не пришлось убирать двор ночью... Ты всё ещё держишь здесь шахматную доску?

Вэнь Юэань ответил:

— Всё ещё здесь.

Цзи Вэньтай продолжил:

— Ты знаешь, что та, кто до сих пор не может забыть тебя, так и не вышла замуж. Мы уже в таком возрасте, может, просто... ну, знаешь, чтобы кто-то заботился о тебе.

Вэнь Юэань не ответил, только спросил:

— Это А Бай?

Цзи Вэньтай тогда вспомнил, что всё ещё держит телефон в руке, и сказал Чжун Гуаньбаю:

— Ты что хотел?

Чжун Гуаньбай ответил:

— Мы попали в террористическую атаку в аэропорту Ниццы. Лу Цзаоцю временно... не слышит.

Цзи Вэньтай бросил метлу в сторону:

— Что значит «не слышит»?

— Внезапная глухота, сейчас лечится. — Чжун Гуаньбай понял, что сколько бы раз он ни произносил эти слова, они не становились легче. — Врачи говорят, что вероятность излечения высока, первые две недели — ключевые.

Цзи Вэньтай задумался на мгновение:

— Если что-то понадобится или будут изменения, звони мне сразу.

— Хорошо. Ещё, учитель Цзи, нас с Лу Цзаоцю уже многие знают, я беспокоюсь за него...

Голос Вэнь Юэаня раздался с другой стороны:

— Вэньтай, передай телефон.

— Учитель?

Вэнь Юэань сказал:

— А Бай, не недооценивай этого ребёнка.

Чжун Гуаньбай кивнул, затем добавил:

— Я не буду.

Вэнь Юэань продолжил:

— Прежде чем ты привёл его ко мне, он сам пришёл однажды.

Чжун Гуаньбай удивился.

— Я обычно никого не принимаю. В тот день утром он постучал один раз, но я не ответил. У меня нет соседей, и он остался один за воротами, сыграв «Размышление». Вскоре пошёл дождь, и я подумал, что он ушёл после игры. Но, к моему удивлению, в темноте он сказал у ворот: «Не буду беспокоить учителя Вэня, зайду завтра».

Вэнь Юэань, сидя в инвалидном кресле, смотрел на каменный фонарь у ворот и навес над ним.

В тот день, когда Вэнь Юэань открыл дверь, Лу Цзаоцю стоял под навесом. Дождевая вода стекала с навеса, промолив его одежду. Свет каменного фонаря падал на него, и можно было увидеть пальцы, обмотанные бинтами, держащие футляр со скрипкой.

Вэнь Юэань, увидев эти руки, сказал:

— А Бай упоминал о тебе.

Лу Цзаоцю глубоко поклонился Вэнь Юэаню:

— Учитель Вэнь. Гуаньбай хотел привести меня к вам, но боялся, что вы не согласитесь.

Вэнь Юэань сказал:

— Поэтому ты пришёл сам.

Лу Цзаоцю:

— Я боялся, что он расстроится, потому что решил побеспокоить вас заранее.

Вэнь Юэань спросил:

— Если бы я не согласился, ты бы приходил каждый день?

Лу Цзаоцю опустил голову. Дождевая вода стекала с его волос, капая на подбородок. Он тихо сказал:

— Я не осмелюсь беспокоить. Я просто постою под навесом, учитель Вэнь, считайте, что я просто укрываюсь от дождя.

— А Бай. — Вэнь Юэань сказал в трубку. — Он преодолеет этот барьер. Ты должен верить ему. Если через две недели...

— Тогда я встану рядом с ним и буду держать над ним зонт всю жизнь. — Произнёс Чжун Гуаньбай.

Вэнь Юэань молчал некоторое время, затем сказал:

— Иди.

Закончив разговор, он передал телефон Цзи Вэньтаю и сказал:

— А Бай... не похож на меня.

Цзи Вэньтай фыркнул:

— Если бы Чжун Гуаньбай был похож на тебя, было бы лучше.

Вэнь Юэань, глядя на незавершённую шахматную партию, задумался:

— К счастью, он не похож.

Цзи Вэньтай поднял метлу с земли:

— Ты... двадцать лет учишь одного ученика, любишь его, но не позволяешь ему приходить к тебе, просто сидишь один.

Вэнь Юэань ответил:

— Что смотреть на старика.

Цзи Вэньтай посмотрел на Вэнь Юэаня. Тот всё ещё был одет в одежду двадцатилетней давности, волосы были уложены так же, как и тогда. Лунный свет освещал его лицо, делая его таким же, как в прошлом.

— Красивый. Всё ещё красивый. — Цзи Вэньтай вспомнил. — Как они тогда тебя называли? Студентки действительно хорошо к тебе относились... Я помню, как Чжун Гуаньбай в детстве разбил твою чашку, и ты, сидя в инвалидном кресле, искал точно такую же по всему Пекину. Кто-то рассказал об этом, и все студентки мечтали найти её для тебя.

Вэнь Юэань тоже вспомнил:

— Девушки всегда добры.

Цзи Вэньтай с усмешкой добавил:

— А ещё несколько студентов-парней тоже приходили.

Вэнь Юэань поднял глаза и спокойно посмотрел на Цзи Вэньтая:

— Вэньтай, ты так разговариваешь со студентами?

Цзи Вэньтай:

— Кхм, Лао Вэнь, я просто хочу сказать, что парни тоже добры. Надо быть справедливым.

Вэнь Юэань, глядя на ручей и лотосы в саду, с лёгкой ностальгией сказал:

— Сейчас думаю, что не стоило искать. Это напугало А Бая.

Цзи Вэньтай, глядя на шахматную доску, покачал головой:

— Ты всё равно бы искал. Столько лет всё остаётся таким же... Лао Вэнь, хотя я всегда тебя уговаривал, я всё же немного понимаю, о чём ты думаешь.

Вэнь Юэань молча развернул кресло и через некоторое время спросил:

— Вэньтай, сыграем?

Цзи Вэньтай вздохнул:

— Я не играю. Лао Вэнь, ты не хочешь слушать музыку, ты хочешь слушать человека. Я не смогу.

Вэнь Юэань, толкая кресло, вошёл в дом, опираясь на специальные поручни, чтобы подняться по лестнице. Цзи Вэньтай последовал за ним, глядя на пустые штанины Вэнь Юэаня, висящие в воздухе, и не удержался, сделав шаг вперёд и подняв руку.

Вэнь Юэань, стоя на лестнице, опустил взгляд на него.

— Я не поддерживаю тебя. — Цзи Вэньтай убрал руку за спину, как обычно, и медленно последовал за Вэнь Юэанем наверх.

Вэнь Юэань сел в запасное кресло на втором этаже и вошёл в кабинет.

На столе из персикового дерева в кабинете лежал свиток с надписью.

Белые снега перевалов Гуаньшань, хоть и далёк путь

Десять тысяч смертей не посмею предать милость учителя.

Хотя бумага была разглажена уже давно, на ней всё ещё оставались морщины.

Цзи Вэньтай, войдя и увидев свиток, усмехнулся:

— Это Чжун Гуаньбай написал? Его почерк тоже не похож на твой.

Вэнь Юэань, подъехав к столу, слегка поднял руку и остановился на словах «Гуань Шань».

— Вэньтай, попроси кого-нибудь оформить это для меня.

Цзи Вэньтай, глядя на свиток, смеялся:

— Лао Вэнь, ты редко чем восхищаешься, но это действительно стоит оформлять?

— Я храню все каллиграфические работы А Бая с детства. — Вэнь Юэань достал из шкафа стопки бумаги, связанные в тетради. Он смотрел на иероглифы на них с лёгкой улыбкой. — Посмотри.

Цзи Вэньтай рассмеялся:

— В слове «спокойствие» не хватает одной черты.

— А Бай тогда ещё не знал много иероглифов. — Вэнь Юэань перелистнул толстую тетрадь до последней страницы. — Потом он писал уже очень хорошо.

— Я всё равно считаю, что это посредственно. — Цзи Вэньтай, взглянув на свиток на столе, усмехнулся. — Он не был прилежным. Ты действительно хочешь оформить это? Куда повесишь?

Вэнь Юэань ответил:

— Когда он вырос, он редко писал для меня. Он боялся, что напишет плохо, и я нашёл это в корзине для мусора. Боюсь, больше такого не будет, поэтому нужно бережно хранить.

Цзи Вэньтай, держа бумагу, на мгновение замер, затем продолжил сворачивать свиток с напускным спокойствием:

— Лао Вэнь, что за слова? Почему «больше не будет»? Когда эти двое вернутся, заставь его сесть здесь и написать сто хороших работ.

Только что закончив, он заметил, что под свёрнутым свитком лежит ещё один лист бумаги.

На нём было всего две строки.

Лунный свет освещает нефритовый терем, весенняя ночь коротка.

Шум ветра качает бамбук во дворе.

Под этим текстом были ещё иероглифы, но их было трудно разобрать.

Вэнь Юэань, листая тетрадь с каллиграфией Чжун Гуаньбая, сказал:

— Вэньтай, когда оформишь свиток, не говори ему. А Бай мягкосердечен, всё, что говорят другие, он принимает близко к сердцу и не хочет никого разочаровывать. Я учил его каллиграфии, и даже если он пишет плохо, мне это нравится.

Цзи Вэньтай не ответил.

Вэнь Юэань поднял голову и спокойно сказал:

— Это всего лишь две строки из стихов Гу Сюна. Вэньтай, уже поздно, иди домой.

Цзи Вэньтай не поднял руку, чтобы снять верхний лист бумаги. Он отступил на два шага, держа свиток, и сказал:

— Лао Вэнь, когда они вернутся, приходи ко мне домой поесть вместе с ними.

Вэнь Юэань ответил:

— Хорошо.

— И на Праздник середины осени тоже приходи.

— На Праздник середины осени не приду.

Цзи Вэньтай вздохнул:

— Я пошёл. Когда оформлю, принесу тебе.

Когда Цзи Вэньтай ушёл, Вэнь Юэань снял верхний лист бумаги.

На самом нижнем листе, покрытом глубокими и мелкими следами, было написано только два повторяющихся слова.

Нефритовый терем.

<http://bllate.org/book/15543/1382879>